

Н.Л. Трауберг. Последнее интервью

Это интервью снимали журналисты НТВ в марте этого года, когда работали над фильмом про 1-й московский хоспис.

Так случилось, что в этот момент там находилась Наталья Леонидовна Трауберг. У неё в палате всё время работало радио «Эхо Москвы», она говорила, что не хочет отстать от жизни. Паломничество к ней не прекращалось. Кто приходил за духовным советом (одна женщина даже из Италии приехала), много было людей из литературных кругов, многим она дарила книгу «Сама жизнь», опубликованную несколько месяцев назад. Наверное, все понимали, что ей недолго осталось, и было такое ощущение, что стремились хотя бы посидеть с ней рядом. В силу своего воспитания она никому не могла отказать, хотя чувствовала себя очень плохо. И тогда на помощь приходили врачи, которым приходилось буквально выставлять посетителей за дверь. Когда журналисты попросили её об интервью, она долго отнекивалась, скромничала, но в конце концов согласилась немного поговорить. Это было её последнее интервью.

О переводе в интервью почти ничего не говорится, разговор идёт о жизни вообще. Но есть люди, сделавшие для перевода столько, что читателям, следящим за их работой, они интересны во всех своих проявлениях. Поэтому мы помещаем это интервью в нашем журнале.

— <...>

— Я уже плохо хожу. У меня была очень тяжёлая операция два года назад, в шестом году, и после этого я в метро ездила раза два, мне трудно, и врачи не разрешают. И особенно я никуда...

— **Сколько вы языков освоили?**

— Сейчас работаю с одним — с английским. Испанским тоже владела хорошо, но сейчас почти совсем с ним не работаю. Ну, а так — трудно сказать. Языки ведь цепляются друг за друга. И если я знаю два романских, то и на остальных могу читать. Если я знаю итальянский, французский и испанский и если мне дать португальский текст, то, в общем, читать более-менее смогу, а если надо будет, даже и работать. Я работала с португальским и с другими языками, хотя я специально их не учила. Поэтому высчитывать, сколько языков знаю, не совсем верно. Можно каждому языку отдать полжизни, но если ты не хочешь замечательно говорить на нём, он просто не нужен.

— **За какое время можно забыть язык и за какое время можно его вспомнить?**

— Не знаю. Это зависит от возраста, от обстоятельств. Вот сейчас моя дочь сказала, что литовцы за эти 18 лет очень сильно забыли русский язык. Это действительно так. А молодые даже, два моих внука литовских младших — почти не знают русский. А старшие по-русски не говорят, и поэтому забывают.

— **А вы как к этому относитесь?**

— Никак. Какое это имеет значение? Если они захотят читать замечательную русскую литературу, то научатся. Немножко они знают.

—Кто ваши любимые русские авторы?

— Русские? Ну, Пушкин, конечно. Есть и другие — Лесков, Толстой. Но в основном Пушкин. <...> Вот вы говорите: «Жить там, где хочешь, где больше нравится». Те, кто меня воспитывал, старались как можно меньше развивать во мне эти центры: «Хочу, предпочитаю». Скажем, сырой белок мне было трудно есть, я давилась им. Бабушка, которая была посуровее, считала, что надо меня приучить. Правда, нянечка, которая была мягче, всё-таки не приучила. Но, во всяком случае, «хочу, хочу» — это очень опасное свойство человеческое и страшно портит жизнь. Жизнь совершенно вся съезжает, потому что всё время человек думает, чего ему хочется. Не то чтобы: «что Бог послал, то и хорошо». Эта наша ставка на то, что нравится, хочется, не хочется — её в досоветское время, когда люди верующие были или, во всяком случае, люди другой культуры, — старались, когда воспитывали детей, минимальной сделать.

—А молитвы — это не слова о том, что хочется?

— Ну, это не прихоть, это вещи какие-то очень серьёзные. Конечно, можно молиться о прихотях, но, но прихоть — это же совсем другая вещь. Молитва — это просьба, конечно, но совсем другая просьба, очень серьёзная. Предполагается, что при деле человек полагается во всем на Бога — на то, что Бог сам разберётся. Это не так. Бог в своей единственной молитве, которую он нам дал — «Отче наш» — велит просить о хлебе. Так что там есть конкретный повод у него просить, так, чтобы не оставались, скажем, без еды. А «хочется — не хочется» окрашивает всё поведение. Помню, я ехала в троллейбусе после какой-то лекции — лекции проповеднической — с одной парой. Мужчина и женщина. И я села спиной к водителю, потому что там было одно такое сидение, а два напротив меня — к водителю лицом. И женщина говорит: «Первый раз вижу человека, которому нравится ездить спиной к водителю». И я увидела какую-то бездну, просто бездну: вот она слушает эти лекции, а зачем, неизвестно. Не то, что она плохая, а это такая привычка, которую воспитывают, — «мне нравится, мне хочется». Ну, а отсюда вот эти все слова — «похоть» и «прихоть». Такие вот выдумки, полукапризы. А что может быть другая причина — что я старалась, чтобы они сидели вдвоём — так им удобнее... Это очень важная часть нынешней жизни, что люди отучили себя ограничивать.

— А вы довольны тем, как сложилась и складывается жизнь ваших детей, внуков?

— Ну, как сказать — не всегда. Но я же не каменная. Бываю довольна, бываю недовольна — и тогда молюсь, что-то пытаюсь сделать. Но тут надо быть очень осторожной, потому что давить на детей и внуков не только нехорошо, но и невыполнимо. Сейчас уже молодёжь такая, что приходится быть политкорректной. Я всегда была очень неприставучая, но они не терпят ни малейшего вмешательства. Поэтому здесь даже и выхода нет. Если бы я хотела что-то сделать так, как с нами поступали — как моя мама: непрерывным пилением, говорением — это всё равно бессмысленно. Только... может только ссорой какой-то. Иногда бывают какие-то грустные вещи. Естественно, это же жизнь, не выдумка. Люди вообще не очень хороши, их очень скособочивает эгоизм. Поэтому, чтобы человек стал хорошим, он должен быть очень зрелым. А что значит «хороший человек»? Ну то, что называется «человек доброй воли» — который не на себя тянет одеяло, а думает о ком-то другом. Молодым это не очень свойственно.

—Во все времена или сейчас?

— Я думаю, во все, и во все времена люди в большинстве были такими, и поэтому существует воспитание, но это тончайшая вещь. Проповедь, воспитание и так далее. У них огромный коэффициент бесполезного действия. Если это воспитание насильственное, репрессивное, то оно может отучить человека от прихотей, но вызвать огромные сломы,

Портреты

надломы, обиды, страдания невыносимые. Это очень тяжело, когда тебя воспитывают строго. Так что это один из почти не решаемых вопросов, совершенно творческое дело. С Божьей помощью как-то получается, но очень медленно и очень туго.

– **Хорошо, когда человек сам способен принимать какие-то решения и можно не вмешиваться в саму его жизнь. Но если человек нуждается в том, чтобы его...**

– Это хорошо, когда он может принимать решение. Но представьте себе, что молодой человек, например, принимает решение не убирать за собой. И довольно типичная манера поведения молодёжи теперь, потому что раньше это просто им не разрешалось. Последние лет сорок это очень заметно. Это же очень противная вещь – беспорядок, грязь. Она противна и, скажем так, говорит об очень плохом состоянии души, о её непрочищенности, неотлаженности. И о том, что на всех тебе хихать, ты не хочешь вокруг себя благополучия. Порядок надо поддерживать, он очень полезен. А любовь к порядку, как правило, воспитывали очень репрессивно – орали просто. И получалось одно на одно: с одной стороны – зло вот этого крика, с другой стороны – зло беспорядка. И хоть был порядок, но было другое, ужасное зло: то, что детей унижали, оскорбляли, дёргали. <...> И как правильно, я не знаю. Не знаю, как воспитывать людей. И очень мало кто вправе брать это на себя. Надо быть человеком очень доброй воли, потому что здесь масса опасностей. Человек может наслаждаться тем, что он над другим имеет власть.

– **Что вы думаете о беспорядке творческом?**

– Ничего хорошего. <...> Творческий человек – так это тоже ведь эгоизм: вот я такой творческий, а вокруг меня хаос. Это остатки романтического мировоззрения. До романтиков беспорядок считался беспорядком, и больше ничего.

– **Вам нравится осень?**

– Да, скорее, нравится.

– **Какая вам осень больше нравится – ранняя или поздняя?**

– Конечно, золотая больше. Ноябрь один из самых безотрадных у нас месяцев, но, опять же, надо терпеть. Я говорю как старая ханжа, но это правда. Меня приучили с детства, что не от нас всё зависит, и, значит, в этой погоде надо стараться найти что-то утешительное и успокаивающее, а не думать: «Вот я такая, я не выношу такой погоды». И вообще эти разговоры «я такая» – они очень опасны. Например: «Вы сова или жаворонок?» Что значит «сова, жаворонок»? Человек, который всю ночь не спит, очень многое делает плохо. Священники католические просто не разрешают ночью работать. Если старый или просто развилась бессонница, – ну, лечи её. Если ты старый, спи мало. Терпи это как можешь – это, в общем, не страшно. Но такое вот «я, видите ли, сова» это идёт от «моего я». «Я хочу». Тогда, конечно, вся жизнь перекорёжена, и не столько даже у него, сколько у окружающих. <...> Не такое уж счастье жить, например, с человеком, у которого творческий беспорядок.

– **А вы часто встаете сейчас?**

– Нет, сейчас мало. <...> Слишком много людей приходит ко мне со своими нуждами, и я с одним должна говорить совершенно иначе, чем с другим, потому что иначе он обидится. У меня жизнь не совсем похожа на обычную человеческую жизнь. Бывает, что люди приходят со своими откровениями, вопросами, очень длинными разговорами.

– **Понятно. Как долго вы ещё собираетесь здесь быть?**

– Я думаю, недели две.

Наталья Трауберг умерла 1 апреля 2009 года.

Материал подготовили А. Клюкин и Е. Баламутенко